УДК 61(091) : 614.2] : 314.24 (47 +57)

П.Э. Ратманов

Теоретические подходы к изучению международной деятельности в области медицины и здравоохранения

Дальневосточный государственный медицинский университет, г. Хабаровск
Контактная информация: П.Э. Ратманов, e-mail: ozd_fesmu@mail.ru

Резюме

Статья посвящена анализу описания международной деятельности в области медицины и здравоохранения. В работе анализируется применение таких понятий как «культурные и научные связи с заграницей», «культурная дипломатия», «внешняя культурная политика», «мягкая сила», замена военной силы (*Machtersatz*). Предлагается взглянуть на международную деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР под новыми углами зрения: как открытый политический шаг со всеми последствиями; как уникальный кейс межкультурного и межцивилизационного взаимодействия; как процесс взаимопроникновения и взаимовлияния; как трансфер научного знания; как пример формирования комплекса новых знаний в медицине и здравоохранении; как образец политизации и идеологизации этого знания.

Ключевые слова: наркомздрав, международное сотрудничество, Советская Россия, культурная дипломатия.

P.E. Ratmanov

The theoretical approaches to the study of international relations in medicine and public health

Far Eastern State Medical University, Khabarovsk
e-mail: ozd_fesmu@mail.ru

Summary

The paper is devoted to the analyze of the international activities in medicine and public health description. It analyzes the application of concepts such as «cultural and scientific relations with foreign countries», «cultural diplomacy», «foreign cultural policy», «soft power», and the substitution of military force (*Machtersatz*). We propose to look at the international activities of the People's Commissariat for Health of the Soviet Russia from new angles: as an open political step with all the consequences; as a unique case of intercultural and intercivilizational interaction; as a process of interpenetration and mutual influence; as a transfer of scientific knowledge; as an example of forming a complex of new

knowledge in medicine and health care; as an example of politicization and ideologization of this knowledge.

Key words: People's Commissariat of Health, international cooperation, Soviet Russia, cultural diplomacy

Введение

В советской историографии для описания международной деятельности в области культуры, науки, медицины и образования использовались такие термины как «культурные и научные связи с границей», «культурные связи с социалистическими странами» и т.п. Ключевым словом в этих понятиях было «связи», но оно не позволяло точно определить границы и рамки внутренней и внешней культурной политики [5]. В англоязычной и германоязычной научной литературе для этих целей используются понятия «культурная дипломатия» и «внешняя культурная политика».

Первое упоминание термина «культурная дипломатия» («cultural diplomacy») в англоязычной литературе традиционно относится к книге Ф. Багхорна «Советское культурное наступление: роль культурной дипломатии во внешней политике СССР» (1960) [1; 4; 8]. В ней Багхорн определял «культурную дипломатию» как манипулирование культурными материалами и персоналом в целях пропаганды. Для него это одно из направлений межправительственной пропаганды, но особенное и значимое. Следует обратить внимание, что Багхорн

не проводит четкого различия между «культурной дипломатией» и «пропагандой». Более того, он ставит между ними практически равенство, относя характеристику пропаганды («побуждение других вести себя так, как они не вели бы себя в ее отсутствие») к понятию культурной дипломатии [8].

Изучавший межвоенный СССР период истории американский исследователь М. Дэвид-Фокс в своей работе расшифровывает термин «культурная дипломатия» как «комплекс задач по воздействию на иностранцев-представителей интеллигенции на территории СССР и за рубежом», называя этот термин стандартным в англоязычной литературе и (за отсутствием лучшей альтернативы) неизбежным для любого исследователя [4].

В научной литературе это понятие получило дальнейшее развитие. Например, мексиканский исследователь Сесар Виллануева Ривас (César Villanueva Rivas) на примерах из истории Мексики и Швеции конца XX – начала XXI вв. выделяет три репрезентационные модели культурной дипломатии: «космополитический конструктивизм» (Cosmopolitan Constructivism), «национальный брендинг» (Nation Branding) и «мягкую силу» (Soft Power) [20]. В своей работе Ривас под «космополитическим конструктивизмом» понимает смесь многосторонней дипломатии и диплома-

тии идентичности, где суть заключается в том, чтобы нация представляла целостное видение своей культуры и вырабатывала подлинное понимание других наций для построения мирного международного общества. «Брендинг нации» для него – это современная стратегия, которую нации используют в качестве шаблонов культурной дипломатии для создания ощущения коммерческой ценности других стран, таким образом, развивая символическую иерархию, которая превращает национальную культуру в международный товар для обмена. Наконец, в понимании Риваса «мягкая сила» – это стратегия, используемая в современном мире для демонстрации другим странам образа превосходства и более высоких ценностей со стороны страны. При этом цель «мягкой силы» состоит в завоевании «сердец и умов» других иностранных народов, чтобы сделать их расположенными в культурном отношении, благоприятствуя позиции доминирующей нации в международных отношениях [20].

В свою очередь современные британские исследователи рассматривают культурную дипломатию как одну из граней международных отношений, как один из «мягких» аспектов совместной жизни на планете, а не как «жесткий» элемент законов и договоров, многосторонних организаций и военного потенциала [9]. Схожего подхода придержива-

ется американская исследовательница Андреа Орзофф (Andrea Orzoff). В своей работе о влиянии государств Восточной и Центральной Европы на западноевропейскую и американскую элиты она противопоставляет такие понятия как «пропаганда» и «культурная дипломатия» [17].

Американский исследователь и политический обозреватель Найджел Гоулд-Дэвис (Nigel Gould-Davies) утверждает, что исследователи только начинают понимать роль культурной дипломатии в советской внешней политике [13]. Но основное место в исследованиях англоязычных авторов истории культурной дипломатии СССР занимает период холодной войны. Американские ученые пришли к выводу, что Советский Союз считал культурную дипломатию чрезвычайно важной для победы в холодной войне, и поэтому исследования, объединяющие традиционную и культурную дипломатию, позволят лучше понять советскую внешнюю политику [14].

Отечественный исследователь А.В. Голубев изучил динамику развития советской культурной дипломатии в 1917-1939 гг. в отношении западных стран. При этом, осознавая преимущество использования понятия «культурная дипломатия» у Ф. Багхорна, он несколько его расширил. По А.В. Голубеву это «использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей, существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» [3].

В современных англоязычных исследованиях по истории Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС) и бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР широко используется вышеупомянутое понятие «культурная дипломатия» [10; 11; 19].

Единственной до сих пор работой, где советское здравоохранение рассматривается в качестве средства «культурной дипломатии» является исследование С. Соломон [19]. В нем она пишет, что после Первой мировой войны в документах международных организаций в области здравоохранения Советскую Россию воспринимали как реципиента гуманитарной помощи, и как источник эпидемий. Но лидеры советского здравоохранения предлагали в это время совершенно другую международную повестку, которая ни тогда, ни сейчас не рассматривается иностранными наблюдателями.

Во-первых, Советской России надо было прорвать международную изоляцию и получить доступ к передовым научным исследованиям. Во-вторых, нарком здравоохранения Н.А. Семашко хотел познакомить международную общественность со своей реформой системы здравоохранения и найти за рубежом ее сторонников. Соломон выделяет два советских подхода к «возвращению своего места» на международной сцене: долгосрочная цель – это участие в междуна-

родных мероприятиях (зависящая от дипломатического признания СССР), и краткосрочная задача – установление двусторонних контактов с зарубежными учеными и официальными лицами [19].

С. Соломон начинает историю «культурной дипломатии» советского здравоохранения с начала 1921 г., не анализируя какие попытки в этом направлении предпринимались Наркомздравом, другими советскими организациями и органами власти в 1918-1920 гг. Также она не пытается изучить взаимоотношения и взаимодействие представительств Наркомздрава РСФСР и РОКК за рубежом и выяснить почему в разное время эти миссии меняли вывески. С. Соломон опустила сюжет работы представительств Наркомздрава РСФСР во время сбора средств голодающим Поволжья в 1921-1922 гг., хотя в эти годы это было главное направление их работы.

В Германии термин широко распространен термин «внешняя культурная политика» (Auswärtigen Kulturpolitik). Он стал употребляться в начале XX в., но дискуссии по его содержанию длятся до сих пор. В.А. Космач наиболее удачным определением считает формулировку Я. Буркхардта (Jacob Burckhardt), который рассматривал внешнюю культурную политику как внешнеполитическое проявление государственной культурной политики [5]. И именно такой подход получил в Германии наибольшее распространение.

Что касается вопроса о типологизации внешней культурной политики, то здесь наи-

более удачным и общепризнанным является подход немецкого историка Курта Дювеля (Kurt Düwell), сформулированный им в книге «Deutschlands auswärtige Kulturpolitik» («Внешняя культурная политика Германии»). В зависимости от целевых установок он различает пять основных типов внешней культурной политики или пять ее разновидностей [5; 12]:

1. «Культурное излучение» («kulturelle Strahlung») – признание культуры и культурного влияния других или другого народа более высокими по уровню и содержанию в качестве образца или примера для собственного подражания.

2. «Культурная самоинтерпретация» («kulturelle Selbstinterpretation») – готовность учитывать пожелания и положение других народов, сотрудничая с ними в области культуры. В этом случае полностью признается возможность культурного влияния других народов на собственную культуру и наоборот.

3. «Культурная экспансия» («kulturelle Expansion») – внешняя культурная политика, основанная на духовном превосходстве собственной культуры и заботе о ее расширении. Интересы собственного государства выходят на первое место, влияние других культур на собственную допускается выборочно и в ограниченном масштабе.

4. «Культурная пропаганда» («Kulturpropaganda») – консервативный

вариант внешней культурной политики государств тоталитарного типа, или внешняя культурная политика, подчиненная целям великодержавной экспансии. Она в значительной степени ограничивает возможности нормального, естественного, равноправного культурного сотрудничества с другими народами, равно как и возможность их культурного воздействия на собственную культуру.

5. «Культурный империализм» («Kulturimperialismus») – реакционно-консервативный вариант внешней культурной политики, подчиненный великодержавным планам геополитической экспансии и территориальных захватов. Этот вариант внешней культурной политики целиком исключает равноправные и партнерские отношения в области науки и культуры, блокирует возможное влияние культур других народов на собственную. Агрессивная наступательность в сочетании с культурной пропагандой в этом случае полностью господствует во внешней культурной политике.

В классификации Дювеля наиболее важны два критерия: 1) степень автономии культуры и степень ее использования в политических или экономических целях и 2) степень принятия другой нации как равного партнера культурного обмена [21].

Советско-германское сотрудничество десятки лет остается в фокусе внимания историков по всему миру. При этом, как отмечает канадская исследовательница С. Соломон, в России/СССР и Германии исследователи дают

разные интерпретации этим событиям. Немецкие историки исходят из двух предпосылок. Первая – особые отношения (Sonderverhältnis) с Россией: эта идея активно циркулировала в дипломатических кругах Веймарской Германии. Некоторые рассматривали отношения с Россией как проявление общей судьбы (Schicksalsgemeinschaft), другие же – как «брак по расчету» (Zweckbündnis). В середине 1920-х гг. преобладала первая концепция, но к концу десятилетия с окончанием «романтического периода» взаимоотношений стал доминировать аргумент о вынужденной необходимости тесных советско-германских связей [18].

Вторая предпосылка в изучении данной проблемы для немецких историков – развитие советско-германских медицинских связей, как продолжение внешней политики: из-за невозможности проявлять военную или политическую силу Германия была вынуждена использовать культуру и особенно науку (Wissenschaft) в новом качестве (Machtersatz). Идея использования науки как замены силы в германской истории уходит корнями во времена Гумбольдта [18].

В советской и российской историографии советско-германское сотрудничество никогда не описывалось терминами «особые отношения» или «общая судьба». Напротив, несмотря на тесные отно-

шения с Германией в 1920-е гг. СССР параллельно развивал связи с другими развитыми странами.

Изучение архивов Представительства Наркомздрава РСФСР в Германии позволяет сделать вывод о приоритетности идеологической работы советских зарубежных учреждений с целью пропаганды коммунистической идеологии и достижений советского государства. Следовательно, именно внешняя политика Наркомздрава в большей мере соответствует концепции «мягкой силы» («soft power») гарвардского профессора-политолога Джозефа Ная (Joseph S. Nye, Jr.), поскольку она была направлена на оценку распространения национальных идеалов и системы ценностей в других странах.

Сам автор определяет этот термин как «способность влиять на других путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждений и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [6]. Согласно этой концепции, «жесткая сила» военного и дипломатического принуждения все больше уступает первенство «неосязаемым» аспектам силы. На «мягкую силу» работают не конкретные инструменты принуждения, а инструменты влияния – культура, идеология и эффективно действующие институты [2; 16].

Несмотря на кажущуюся простоту и эффективность «мягкой силы», ее не всегда легко использовать, особенно когда слова и идеи не совпадают с внутренними реалиями. Также

Дж. Най отмечает, что «мягкая сила» зависит от степени доверия, и при очевидных манипуляциях информация воспринимается как пропаганда, а доверие разрушается [6]. То есть мнению Най информация, которая кажется пропагандистской, может оказаться контрпродуктивной, если она подрывает репутацию страны как заслуживающей доверия [16].

Дж. Най в своих работах противопоставляет понятию «мягкая сила» понятие «пропаганда», которое употребляет в негативном контексте, когда информационная политика государства за рубежом не соответствует внутренним реалиям этого государства [15]. В термин «пропаганда» обычно вкладывают намеренное распространение информации с целью повлиять на общественное мнение с широким использованием манипуляций.

По мнению В.Ю. Башкуева отечественная медицина и здравоохранение, одна очень важная область взаимодействия, осталась мало затронутой научными изысканиями в рамках концепции «мягкой силы». Сам автор очень удачно концептуализировал советско-монгольские отношения в области медицины в рамках этой научной теории [2].

По мнению С. Соломон использование Германией науки как замены военной силы (Machtersatz) отличается от концепции «мягкой силы». Немцы применяли концепцию Machtersatz исключи-

тельно к странам, которые не могут «играть мускулами» [18]. В сильной науке они видели демонстрацию своего интеллектуального превосходства [7].

Научное осмысление процессов и механизмов формирования «мягкой силы» советской медицины своевременно и необходимо, учитывая современные глобальные тенденции развития здравоохранения и главенствующее значение трансфера информации, научных знаний и технологий в постиндустриальном обществе.

Заключение

Учитывая полученный нами Таким образом, современные исследования подразумевают отход от традиционного описания истории медицины как истории поступательного прогресса научной медицины. Мы предлагаем взглянуть на международную деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР под новыми углами зрения: как открытый политический шаг со всеми последствиями; как уникальный кейс межкультурного и межцивилизационного взаимодействия; как процесс взаимопроникновения и взаимовлияния; как трансфер научного знания; как пример формирования комплекса новых знаний в медицине и здравоохранении; как образец политизации и идеологизации этого знания.

Список литературы

1. Баргхорн Ф. Советская пропаганда за рубежом: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1964. – 277 с.
2. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Российская медицина и монгольский мир / ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 436 с.
3. Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии, 1920-1930-х гг. – М: Ин-т рос. истории РАН, 2004. – 272 с.
4. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 561 с.
5. Космач В.А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики: (1919 - 1933 г.): Дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н.. – Витебск: Белорусский государственный университет, 1995. – 453 с.
6. Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век : Серия «Политика». – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
7. Ратманов П.Э. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921-1929 гг.) в контексте международных связей Советской России / П.Э. Ратманов, Ю.В. Кирик // Дальневосточный медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 41-46.
8. Barghoorn F.C.C. The Soviet cultural offensive: the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy / F.C.C. Barghoorn. – Princeton, N.J.: Princeton university press, 1960. – VII, 353 p.
9. Cultural diplomacy / K. Bound [et al.]. – London: Demos, 2007. – 111 p.
10. David-Fox M. Leftists versus nationalists in Soviet-Weimar cultural diplomacy: showcases, fronts and boomerangs // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 103-156.
11. David-Fox M. Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921-1941. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 396 p.
12. Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918-1932: Grundlinien und Dokumente. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918-1932. – Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1976. – XII-402 p.
13. Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / Diplomatic History. – 2003. – Vol. 27. – № 2. – P. 193-214.
14. McDaniel C.P. American-Soviet cultural diplomacy: the Bolshoi Ballet's American premiere. – Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2015. – xxxv, 257 p.
15. Nye J.S. China's Soft Power Deficit : Opinion // Wall Street Journal. – 2012. – 8 May.

16. Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2005. – xvi, 191 p.

17. Orzoff A. Battle for the castle: the myth of Czechoslovakia in Europe, 1914-1948. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – XI, 286 p.

18. Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3-31.

19. Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880-1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193-216.

20. Villanueva Rivas C. Representing cultural diplomacy: soft power, cosmopolitan constructivism and national branding in Mexico and Sweden. – Växjö: Växjö University Press, 2007. – 200 p.

21. Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920-1938 // História, Ciências, Saúde-Manguinhos. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 181-201.